

Young & Free

ЛИЗ
ДЖЕНСЕН

Девятая
жизнь
Луи
Дракса

like
book

Москва
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Liz Jensen
THE NINTH LIFE OF LOUIS DRAX

Copyright © Liz Jensen, 2004
This edition is published by arrangement with Aitken
Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC

Фото автора © Photo by Djbril Sy

Перевод с английского *Светланы Чулковой*
Художественное оформление *Петра Петрова*

Дженсен, Лиз.
Д40 **Девятая жизнь Луи Дракса / Лиз Дженсен ; [пер. с англ. С. Чулковой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Young & Free).**

ISBN 978-5-699-90950-6

В основу этой книги легли подлинные события, произошедшие в семье Лиз Дженсен задолго до ее рождения. Эта тайна мучила ее, и в конце концов появилась книга «Девятая жизнь Луи Дракса», а теперь и фильм Александра Ажа.

Мама, папа, сын и хомяк отправляются в горы на пикник, где и случается несчастье — сын падает с обрыва. Отец исчезает. Мать в отчаянии. Но спустя несколько часов после гибели девятилетний Луи Дракс вдруг снова начинает дышать. И пока он странствует в сумеречном царстве комы и беседует со страшным Густавом, человеком без лица, его лечащий врач Паскаль Даннаше пытается понять, что же произошло в этой семье, что эти люди сделали со своей жизнью.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-90950-6

© Чулкова С., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Безмерно любимому Карстену посвящается.

Взирая на мозг человека, думаешь о том,
кто мы есть: с одной стороны, всего лишь
плоть, с другой — всего лишь химера.

Пол Брокс. *В стране молчания*¹

¹ Пол Брокс — британский нейропсихолог; его исследование «В стране молчания: путешествие по дорогам нейропсихологии» («Into the Silent Land: Travels in Neuropsychology») было опубликовано в 2003 г. Первая часть названия книги перекликается со стихотворением американского поэта Генри Уодсворта Лонгфелло (1807—1882) «Песнь страны молчания».

Предупреждение

Я не такой, как остальные дети. Меня зовут Луи Дракс. Со мной происходит всякое такое, чего не должно. Например, я отправился на пикник и утонул.

Спросите мою Маман, каково иметь не сына, а тридцать три несчастья. Она вам расскажет. Ничего смешного. Ни сна, ни покоя, только и думаешь, чем все закончится. Повсюду мерещится опасность, и в голове одно: *я должна защитить его, должна защитить*. Только не всегда получается.

Маман возненавидела меня раньше, чем любила, а все из-за первого несчастного случая. Первый несчастный случай — это когда я родился. Я родился, прямо как император Юлий Цезарь. Там тетеньку тыкают ножом, потом у нее лопается живот, и тебя вытаскивают, а ты орешь и весь в крови. Они решили, что нормальным способом я не рожусь. (Нормальный способ тоже ужас.) И еще врачи думали, что мама умрет от родов, как мама Юлия Цезаря, а тогда наши мертвые тела положили бы в гробы — маму в большой, а меня в маленький. Или еще нас можно было положить в большой

такой *дву-трупный* гроб и тра-ля-ля. Наверняка такие есть. Наверняка их можно заказать через Интернет, такие специальные гробы для мам и сынишек, которых нельзя разлучать. Родиться было ужасно, ребенку с мамой такого не забыть, даже через сто лет. Но это было только начало. Я тогда ничего еще не знал, и мама тоже.

Второй несчастный случай произошел, когда я был грудной. Мне было месяца два, я спал в своей кроватке и вдруг начал умирать от синдрома внезапной младенческой смерти. А у мамы в голове крутилось: *я должна защитить его, должна защитить. Без паники. Вызови «Скорую»*. Пока ехала «Скорая», маме по телефону подсказывали, как меня раздушить. Потом мне дали кислород и на груди наделали кучу синяков. Может, у мамы остались фотографии. Спросите, если хотите, и еще пусть она вам покажет рентгеновские снимки моих ребер, они там все переломанные и продавленные. Потом в четыре года у меня случился приступ — я так орал, что практически перестал дышать на девять с половиной минут. Без врак. Даже великий Гудини¹ такого не мог, хоть и был эскапистом. Это американский такой артист. Потом мне было шесть лет, и я упал на рельсы в Лионском метро. Получил электрошок на восемьдесят пять процентов. Мало с кем такое

¹ Гарри Гудини (Эрих Вайсс, 1874—1926) — американский иллюзионист венгеро-еврейского происхождения, фокусник-эскапист.

случается, а вот со мной случилось. Я выжил, и это почти чудо. Потом еще я отравился — наелся отравленной пищи. Я болел сальмонеллезом, столбняком, ботулизмом, менингитом и другими болезнями, которые трудно произносятся, но они есть в третьем томе медицинской энциклопедии. Почитайте — ужас.

— Такой ребенок для мамы был просто кошмар. — Это я объясняю Густаву. Густав — специалист по кошмарам, у него вся жизнь кошмарная. — Она каждый день придумывала, что еще со мной может приключиться, и сочиняла, как будет меня спасать.

— Тебе здесь лучше всего, — говорит Густав. — Пока ты не появился, мой маленький джентльмен, я был очень одинок. Оставайся тут, сколько пожелаешь. Составь мне компанию.

Я привыкаю к Густаву, но он все равно страшный. У него голова обмотана бинтами, а на них кровь. Если б вы его увидели, вы бы тоже испугались или даже умерли со страху. Но тоже начали бы ему все рассказывать, как я. Потому что так легче говорить, когда лица не видно.

С самого детства за мной нужен был глаз да глаз. Отвернись на минуту — и я сразу вляпаюсь в какую-нибудь историю. Все говорили, что от высокого умственного коэффициента все, наоборот, только хуже.

— Говорят, у кошки девять жизней, — рассказывает Маман. — Кошкины жизни цепля-

ются за тело и не отрываются. Луи, если б ты был кошкой, ты бы уже истратил восемь жизней. Каждый год — минус одна. Так больше нельзя.

И Папа́ с Жирным Пересом туда же.

— А Жирный Перес — это кто? — спрашивает Густав.

Жирный Перес — это был такой толстый читатель мыслей, только он не очень-то умел их читать. Маман с Папа́ платили Пересу, чтобы он меня выслушивал и докопался до тайны, *Странной Тайны Луи Дракса, удивительного мальчика Тридцать Три Несчастья*. Это Папа́ так про меня рассказывал. Правда, ничего смешного. Все очень даже серьезно, и Маман доходила до полного отчаяния.

Знаешь, Густав, что говорили все вокруг? Что в один прекрасный день со мной случится большое несчастье, всем несчастьям несчастье. Вроде как глянул в небо — а оттуда ребенок падает. Это я и буду.

Дети должны беречь мам, чтобы мамы не плакали, поэтому каждую среду я ходил в Gratte-Ciel¹ к Жирному Пересу. У него там квартира возле площади Братьев Люмьер. Вы что, не знаете, кто такие братья Люмьер? Их было двое, они изобрели кино, и еще про них есть музей, и даже фонтан на площади, и рынок, куда Маман ходила за салатом, помидо-

¹ Небоскреб (фр.).

рами и сыром. Я терпеть не мог помидоры, у меня даже была от них аллергия. И еще Маман ходила в *charcutier*¹ и покупала там *saucisson sec*², которую мы с папой между собой обзывали ослиной пиписькой. А пока Маман ходила по магазинам, мы с Жирным Пересом разговаривали про кровь и тра-ля-ля.

— Луи, можешь говорить обо всем, что приходит в голову. Я затем и нужен, чтобы слушать.

Очень часто я рассказываю про летучих мышей-вампиров, потому что много знаю про «La Planète bleue»³, и «Les Animaux: leur vie extraordinaire»⁴, и про мертвых людей, про Жак-Ива Кусто⁵, и Адольфа Гитлера или Жанну д'Арк, и братьев Райт⁶. И еще я знаю про многие болезни и отравы. Мировой кровососательный рекорд у летучей мыши-вампира — пять литров, она сосет кровь из коровьей шеи или попы, но сначала парализует корову плевком, который называется слюной. Я мог рассказывать Жирному Пересу что угодно, это же останется между нами. Чем противнее был мой

¹ Мясная лавка (фр.).

² Постная колбаса (фр.).

³ «Голубая планета» (фр.).

⁴ «Животные: их необычайная жизнь» (фр.).

⁵ Жак-Ив Кусто (1910—1997) — французский морской исследователь, эколог, фотограф, один из изобретателей акваланга; снимал многочисленные фильмы о подводной жизни.

⁶ Уилбер (1867—1912) и Орвилл (1871—1948) Райт — американские авиаконструкторы и летчики, пионеры авиации.

рассказ, тем больше он заводился. И скрипел кожаным креслом.

Я все думал: если вдруг Пересу наскучат мои кровавые истории, пускай оставит вместо себя магнитофон, который каждые пять минут будет талдычить его голосом: «Рассказывай дальше». А Перес пошел бы в другую комнату, посмотрел бы мультяшки или закупил себе сладкого.

— А сколько стоит ваш сеанс?

— Об этом лучше спроси Маман, — отвечает Перес. — Или Папá.

— Нет, скажите. Сколько стоит?

— Зачем тебе?

— Потому что, может, и я так смогу. Деньгу заработаю.

И у него такая мерзкая жирная улыбочка:

— Ты хочешь помогать людям, да?

И тогда я смеюсь:

— Помогать людям? Я хочу сидеть, как вы, на стуле и талдычить «рассказывай дальше», да еще получать за это кучу евро. Легкотня.

— Ты хочешь легкой жизни, когда вырастешь?

— Глупый вопрос.

— Отчего же глупый?

— Потому что я ведь не вырасту.

— С чего ты взял?

Он что, считает, я полный придурок? Я же не с планеты Плутон или типа того, где у людей мозгов нету.

— Это уже второй глупый вопрос.

— Извини, если мои вопросы показались тебе глупыми. Но я все равно хотел бы услышать ответ, — говорит он и шевелит жирным лицом. — Итак, Луи, с чего ты взял, что не вырастешь?

Ничего не говори, ничего не говори, ничего не говори.

Жирный Перес был мой самый большой враг, но даже он меня так не пугал, как Густав. Вы бы тоже испугались Густава, если б его увидели. Потому что у него под бинтами нет лица, и он так сильно кашляет, что его прямо тошнит, а иногда мне кажется, будто я его выдумал, чтоб мне было с кем поговорить. А если я его выдумал, то не знаю теперь, как от него избавиться, потому что, если кто-то засел в голове, как его оттуда вытурить?

Это невозможно ведь. Потому что они живут в головах.

На свете есть законы, и если их нарушать, то попадешь в тюрьму. Но еще есть секретные правила, прямо такие секретные, что про них все молчат. Например, секретное правило насчет домашних животных. Если у тебя маленькое домашнее животное, например хомяк по кличке Мухаммед, и если он живет дольше положенного, а им положено два года, — тогда ты можешь, если охота, убить хомяка, потому что он твой. Это секретное правило называется Правом Избавления. Можно удушить хомяка или отравить, если есть отравы. Или можно

уронить на него что-нибудь тяжелое — третий том медицинской энциклопедии или «Harry Potter et l'Ordre du Phénix»¹. Главное ничего не испачкать.

Жирного Переса нашел для меня Папá, а отдувалась Маман, потому что ей ведь приходилось меня возить. Папá был занят работой в облаках, он там объявляет: *внимание стюардессам, пятнадцать минут до посадки, включить ручной режим открытия дверей*. И еще он изучает навигационные карты и ходит на курсы по социализации, потому что...

Вообще-то я не знаю, почему он туда ходит. Я не знаю, что такое курсы по социализации.

Квартира Жирного Переса находится на рю Мальшерб в Gratte-Ciel. Звонишь в домофон, Перес у себя дома нажимает кнопку, и дверь открывается, а на лестнице у лифта пахнет bouillabaisse² или иногда зеленой фасолью. Мы поднимались на четвертый этаж в старом скрипучем лифте, и мне сразу хотелось пisać. Жирный Перес говорил, что это все от замкнутого пространства.

— У тебя небольшая клаустрофобия, — объясняет он. — Ничего ненормального: в замкнутом пространстве это случается с детьми и даже с некоторыми взрослыми, им хочется освободить мочевой пузырь. Старайся терпеть.

Но каждую среду я все равно прямо с поро-

¹ «Гарри Поттер и Орден Феникса» (фр.).

² Рыбный суп (фр.).

га бежал в мерзкий Пересов туалет. Мочевой пузырь похож на надувной шар. Это мускульный мешочек, но он может лопнуть, если долго терпеть, точно вам говорю. Иногда я выходил из туалета и подслушивал у дверей гостиной, а уже потом шел и спускал воду. Бывало, они даже ссорились, как будто женатые. Но я ничего не мог слышать, хотя даже приставлял к двери стакан из-под зубной щетки, у него еще на дне такая мерзкая зеленая слизь.

Если тебе платят деньги, нечего спорить.

Когда я возвращался из туалета, Маман говорила: пока, Луи, дорогой, я пошла по магазинам. Потом она уходила, и мы с Жирным Пересом разговаривали, и это стоило кучу евро из денежного автомата, который давал Папá деньги за то, что Папá сидел в кабине самолета. Иногда, когда Папá летает, стюардесса приносит ему кофе. Или, например, чай, а пиво или коньяк нельзя.

— Как тебе жилось, Луи? — спрашивает Жирный Перес.

— Если Папá будет пить пиво или коньяк, его могут уволить из «Эр Франс».

Жирный Перес — он старый, ему лет сорок, и у него большое толстое лицо, как у младенца. Если тыкнуть в лицо булавкой, оно лопнет, и оттуда брызнет желтая гадость.

— Что ж, пожалуй, ты прав, — говорит Жирный Перес. — Твоему Папá вообще нельзя принимать алкоголь. Летчикам это строго